Т.С. Родионова, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: rodionova.tatiana@smi.msu.ru

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье дается характеристика ряда работ зарубежных исследователей, касающихся истории российской печати и не переводившихся на русский язык (за исключением книги проф. Ч. Рууда "Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин"), в которых авторы демонстрируют актуальные и оригинальные подходы к предмету, предлагают некоторые методологические и методические аспекты исследования истории журналистики России, представляющие интерес для отечественных ученых.

Ключевые слова: *история журналистики России, дооктябрьский период, зарубежные исследования.*

The article is concerned with a series of books and articles written by western researches and dedicated to the history of Russian journalism in pre-October era. Nearly all of them had not been translated into Russian up to this time. The authors show actual and original views on the subject, and offer some general and methodical aspects of studying history of Russian journalism which may be interesting for our scientists.

Key words: *history of Russian Journalism, pre-October period, foreign researches.*

Изучение истоков современной журналистики нашей страны находится в постоянном движении. С началом нового столетия начался и новый виток в исследовании отечественной прессы: вышли новые учебники по курсу этой дисциплины, и их авторы предлагают развитие или даже альтернативу прежним подходам к освоению исторического материала, включают в свои работы новые данные, "поворачивают" известные темы менее привычной стороной. Стремление актуализировать историческую проблематику не всегда свободно от погрешностей, однако говорит о расширении зоны исследований, о поиске новых закономерностей. Одна из наиболее интересных задач сегодня — выявить дополнительные аспекты изучения истории российской печати, и в этом смысле хотелось бы сделать акцент на рассмотрении вопроса в контексте общемировых закономерностей развития прессы.

В этой связи, думается, имеет смысл обратиться к почти неизученному материалу: это зарубежные работы по истории печати России.

Иностранные коллеги уже несколько десятилетий достаточно "плотно" изучают историю российской прессы. Читая статьи и мо-

нографии разных лет, замечаешь, что с течением времени происходит пополнение тематики, формирование новых исследовательских предпочтений и интересов.

Зарубежные историки печати в последние двадцать-тридцать лет поднимают такие вопросы, как периодизация цензуры в России; структура аудитории и зависимость от нее типов газет; характеристики массовых изданий; психология преуспевающих издателей; соотношение тенденций развития печатных СМИ и политики правительств стран Запада и России, а также целый ряд других актуальных тем.

* * *

Первые зарубежные работы в XX в. (здесь мы будем приводить публикации этого периода), касающиеся печати Советской России, Советского Союза, были немногочисленны. Они выходили, в частности, в 20—30-х гг., затем практически прекратились. Эти публикации[1] были посвящены фактически лишь средствам массовой информации СССР. Период Второй мировой войны и конец 40-х годов стали неким рубежом, после которого — очень медленно — начинает пробуждаться интерес к дооктябрьской журналистике России, однако пока это были лишь единичные случаи подобных публикаций [Walkin, 1954], и такая картина сохранялась довольно долгие годы.

В начале 1960-х гг. ситуация, похоже, начала меняться. Историки печати обратились к крупным темам, к целым периодам в истории русской журналистики, однако "осмелились" на весьма скромные по объему работы, давшие общую постановку и характеристику вопросов. Тем не менее эти вопросы и их постановка заслуживают внимания и, думается, не могут оставить равнодушными отечественных ученых: это, в частности, статья об основных вехах в развитии русской журналистики, которые связываются с периодом с 1553 до 1917 г. [Jensen, Bayley, 1964], а также портрет газеты "Речь" [Riha, 1963].

Вслед за этими очерками во второй половине 60-х годов появились еще несколько, и практически все они были связаны с проблемой взаимоотношений власти и прессы: царское законодательство о печати, цензура, вопросы свободы печати[2]. Наконец, в 1968 г. Ричард Бейли защищает диссертацию на тему "Свобода и регулирование русской периодической печати в 1905—1914 гг." [Bayley, 1968; Dissertation abstracts A, 1969]. Это означало переход к новому

[1] Имеются в виду работы, список которых удалось составить автору данного очерка (порядка 50-ти наименований).

[2] Названные темы рассмотрены, в частности в статье *The Tsarist Press Law, 1894—1905* [Rigberg, 1965] и других работах этого автора, вышедших в 1960-е гг.

этапу “освоения” русской дооктябрьской печати зарубежными исследователями.

По сравнению с предшествующими десятилетиями 1970—1980-е гг. стали настоящим бумом в “русской теме”: появляются работы уже не только о царской политике по отношению к печати в целом, но и об органах этой печати и ее деятелях, о различных периодах в истории российской прессы. Среди этих публикаций выделились монографии.

Теперь уже стало возможным увидеть те темы, или скорее тематические блоки, к которым проявили и продолжают проявлять интерес зарубежные исследователи российской дооктябрьской печати. В первую очередь это: журналистика и общество; власть и журналистика; газетная пресса. С этими вопросами связано наибольшее количество публикаций. Другие темы — деятели печати; издательские фирмы; агентства печати; журналы.

Надо сказать, что в американо-европейских исследованиях русской журналистики есть характерная особенность: какое-либо явление, факт из жизни русской журналистики рассматриваются в масштабном контексте, причем этот контекст порой поворачивается несколько нетрадиционной для отечественных исследований стороной. Это может быть как более привычный — правовой, политический, так и менее разработанный психологический либо культурологический аспект. Разумеется, это не единственный способ, к которому прибегают исследователи: достаточно назвать ряд работ, посвященных знаменитым деятелям русской печати. И в этом последнем случае отдельно стоит подчеркнуть добротность профессиональной оценки, сделанной авторами опубликованных книг и статей.

Думается, очень многие наши историки печати хорошо знают книгу “Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин” профессора Чарльза Рууда [Рууд, 1996] — одного из самых ярких, на мой взгляд, зарубежных исследователей. Книга была переведена на русский язык, что само по себе стало заметным явлением, и издана в Москве в 1996 г.

Как писал Рууд в предисловии, к работе над книгой он приступил в начале 1980-х гг. В то же время в Канаде вышла другая его книга — “Воюющие слова: императорская цензура и русская пресса, 1804—1906” [Ruud, 1982]. Для исследования же биографии и издательского дела И. Сытина Рууд с 1984 по 1989 г. неоднократно бывал в Москве и Ленинграде. Часть исследований была проведена, когда Рууд работал старшим научным сотрудником Русского научно-исследовательского центра в Гарвардском университете. Средства, предоставленные деканом факультета общественных наук Университета Западного Онтарио, также позволили продолжить

работу в Библиотеке им. Д.Б. Уэлдона при Университете Западного Онтарио.

Интересно, какой предстала личность знаменитого русского издателя в глазах исследователя: «Как *личность, сыгравшая заметную роль в истории России*[3], — утверждает во "Введении" Ч. Рууд. — Сытин наживал миллионы на издательском поприще и тем самым помогал насаждать грамотность, формировать общественное мнение и расширять границы гласности в условиях самодержавия, причем его деятельность в немалой мере подогревала всеобщее народное недовольство в годы, предшествовавшие крушению монархии» [Рууд, 1996, с. 5].

Ч. Рууд ставит московского издателя в один ряд с такими магнатами западного мира, как Джозеф Пулитцер и Уильям Рэндолф Херст в Америке и лорд Нортклифф в Англии. При этом автор сожалеет о незаслуженном забвении имени и традиций Сытина на долгие годы, отмечая, что "лишь в 60-е годы Советская власть начала отдавать должное Сытину как издателю, достойному подражания". Анализируя же интересы западных ученых, Рууд считает, что "в своих работах, посвященных русским промышленникам либо вообще дореволюционной эпохе, они пока уделяют мало внимания Сытину и другим крупным издателям" [там же].

Книга увлекательно написана и читается чрезвычайно легко — притом, что буквально до отказа насыщена фактическим материалом. Здесь масса деталей из подлинной жизни России тех лет в постоянном сопровождении аналитика — отслеживание отношений в системе печати, эволюции газетных изданий и пр. Например, в главе «Тонкая игра вокруг "Русского слова"» — параллели с состоянием издательского и газетного дела за рубежом, типологические характеристики, среди которых задействованы как привычные нам определения, так и свежие смысловые оттенки, приоткрывающие новые явления. Характеристика "популярной массовой газеты" перекликается с авторскими размышлениями о закономерностях развития "народной журналистики", пришедшей на европейский континент "позже, чем в Англию и Америку" [там же, с. 52], и в связи с этим — об особенностях состояния частной русской прессы в 1890-е гг., когда Сытин заявил о себе. Не менее интересны и насыщенны и остальные главы книги.

У автора имелась еще одна серьезная предпосылка этого исследования. Неслучайно в самом названии книги выделено слово "предприниматель": "Сытин был необычным русским, — считает Ч. Рууд, — до того необычным, что некоторые из современников, кто одобрительно, а кто и с осуждением, называли его "американ-

[3] Курсив мой. — *Т.Р.*

цем”. В данном случае уместнее употребить слово “предприниматель” [там же, с. 6].

Предпринимательство как явление и его экономико-психологические аспекты — вот “призма”, сквозь которую Ч. Рууд предполагает дать оценку такой неординарной личности, как русский издатель Иван Сытин: «Наиболее подходящим для настоящего исследования представляется определение, сформулированное экономистом Йозефом Шумпетером в то время, когда происходило становление Сытина как одного из крупнейших издателей в мире. В 1911 году в своей книге по теории экономического развития Шумпетер выделил важную, но почти никем не замеченную движущую силу развития на Западе — предпринимателя; под этим словом он разумел предприимчивого человека низкого происхождения, который преуспел за счет “новых сочетаний средств производства”».

Для Ивана Сытина его дело было не просто коммерцией. Изучив биографию героя своей книги, Ч. Рууд находит нужным объяснить суть его новаторских устремлений, его личности с точки зрения очень тонкого соединения человеческих качеств с динамическими характеристиками той эпохи: «На основе новых достижений в области психологии Шумпетер утверждал, что предпринимателей способен понять лишь тот, кто постиг природу личных побуждений человека. По его словам, лишения, перенесенные в детстве, побуждают предпринимателя с невиданным упорством преодолевать трудности и создавать нечто новое или усовершенствовать старое, и в конце концов он становится властелином своего “делового царства”, то есть занимает “наиболее близкое к средневековому феодалу положение, какое доступно современному человеку”. Преуспевая в своем деле, “выскочка” доказывает себе и окружающим собственную состоятельность и завоевывает уважение. Шумпетер считал, что для людей, которых он называл предпринимателями, материальное благополучие играло второстепенную роль» [там же, с. 7].

Множество обстоятельств, связанных с личностью издателя, его политикой в сфере бизнеса, ролью в техническом оснащении печатного производства, его отношениями с творческой интеллигенцией и взглядами на аристократию, интерес к нему властей — все это, как уверен Ч. Рууд, «служит подтверждением того, что он являет собою классический образец предпринимателя в издательском деле, особенно если учесть полное совпадение с требованием Шумпетера об использовании “новых сочетаний средств производства”».

Работа в архивах СССР в 1980-е гг., постоянное общение со знатоками “сытинской” темы — С.А. Иниковой, Е.А. Динерштейном

и др. — позволили автору создать действительно новаторский труд, который сегодня представляет практический интерес прежде всего для российских историков печати.

Говоря об особенностях профессиональной оценки явлений и фактов отечественной журналистики западными исследователями, стоит обратить внимание на темы, относящиеся к правовым, политическим, психологическим аспектам отношений "власть — пресса", анализ цензурных условий, аудитории, развития массовой печати (или "популярной", "народной" прессы), методы воздействия газет на аудиторию, а также некоторые другие аспекты изучения журналистики.

Сравнивая ряд особенностей освещения истории русской журналистики западными учеными с принципами отечественных исследований, можно заметить следующее.

Как уже говорилось, качественная профессиональная оценка журналистских аспектов (характеристика структуры системы печати, отдельных изданий, жанров и пр.) — скорее средство, но не цель большинства просмотренных работ.

Картина же дифференциации, эволюции прессы в основном совпадает с результатами отечественных исследований. При этом нередки общие точки приложения исследовательских интересов: например, анализ состояния прессы на рубеже XIX—XX вв., внимание к росту массовой, популярной газеты, успех газеты-копейки.

В связи с этими последними спорным остается, например, вопрос об уровне и характере успеха беллетристического отдела газет-"листков". При разборе "имиджа" популярных газет (типа "Санкт-Петербургского листка") зарубежные исследователи, как представляется, акцентируют внимание не на идейной стороне издания (как на неком качественном уровне), а на информационной структуре, широте содержательного охвата интересов массовой аудитории из низших слоев [Neuberger, 1989; Brooks, 1978, 1985].

Несколько слов об исторических периодах, в наибольшей степени привлекающих внимание западных исследователей.

Несмотря на преимущественный интерес к эпохе развития газетной печати и практических шагов правительства к реформаторским и конституционным мерам, т.е. ко 2-й половине XIX — началу XX в., в публикациях выделяется и ранний период — XVIII в. Ему посвящены, в частности, такие работы, как "Издательско-печатное дело и источники интеллектуальной жизни в России, 1700—1800" [Marker, 1985], "Рождение русской журналистики" [Malkolm, 1976], "Франкоязычная пресса в XVIII веке (Германия, Россия)" [Volmer, 2000], "Русские журналы и их читатели в конце 18 века" [Marker, 1986]. Кроме того, историков интересуют факты, относящиеся к самым истокам русской журналистики — еще до возникновения

печатных изданий: Опубликование московских "Курантов" [Waugh, 1973] и обращение к теме в отдельных работах [Jensen, Bayley, 1964]. Исследователи рассматривают целый ряд вопросов истории русской журналистики в европейском и общемировом контексте, ищут общие закономерности в развитии СМИ, сравнивают русский опыт с западным (с английским, германским, итальянским, американским и пр.). В этой связи предстает, например, такая тема, как пресса и парламентаризм, их сосуществование и взаимное влияние [Bayley, 1968].

В целом учеными выделяются следующие периоды: начало русской журналистики; XVIII в.; журналистика XIX в.; журналистика начала XX века (или журналистика "последнего периода Российской Империи"). Вообще же дооктябрьскую журналистику исследователи часто называют "журналистикой Имперской России". В рамках XIX в. зарубежные коллеги, в частности, наметили такие аспекты: "эра романтизма" (Н.А. Полевой, "Московский телеграф") [Rzadkievicz, 1987][4]; "новый журнализм" (1832—1848) [Ruud, 1982, p. 67], появление "европейской прессы" [ibid, p. 181], царствование Александра II и реформы [Pogorelskin, 1987], последние годы административной системы (1889—1906) — т.е. период перед объявлением свободы печати [Ruud, 1982, p. 207]. Разумеется, это лишь "центры" исследовательских интересов в связи с широкой палитрой вопросов — от цензуры до характеристики отдельных изданий, однако их выявление тяготеет к выделенным нашими историками печати закономерностям развития отечественной прессы и связанным с ними этапами.

Остановимся подробнее на наиболее крупных работах исследователей, постоянно занимающихся вопросами истории русской дооктябрьской журналистики, — Ч. Рууда и Дж. Брукса. Эти работы связаны с глобальными темами и периодами в жизни русской печати.

Во введении в свою книгу "Воюющие слова..." ("Fighting Words...") Ч. Рууд пишет, что эта работа, во-первых, о цензуре как борьбе правительства против объективного слова, во-вторых, о журналистах и издателях, боровшихся против цензуры как проявления власти самодержавия (autocracy). Книга посвящена цензуре и "неофициальной" (unofficial)[5] прессе как целым институтам и потому не за-

[4] Кстати, названная особенность журнала и его значение в те годы у А.В. Западова [Западов, 1973] охарактеризованы так: «Постоянным литературным направлением "Московского телеграфа" был романтизм. Романтическое искусство настойчиво защищалось в "Московском телеграфе" в статьях Николая Полевого, его брата Ксенофонта, А. Бестужева-Марлинского и др.» [там же, с. 186]; «"Московский телеграф" вошел в историю русской журналистики как издание антидворянское, а Н. Полевой — как защитник прав "среднего сословия" и нарождающейся русской буржуазии» [там же, с. 187].

[5] В нашем понимании скорее "частной".

трагивает деталей (отдельных журналистов, администраторов, цензоров и т.д.).

"Цензура" — само это слово, замечает Ч. Рууд, рождало всплеск эмоций, поэтому в 1865 г. появляется новое название: "Главное управление по делам печати" (Chief Administration for Press Affairs) [Ruud, 1982, p. 3].

Цензура, — продолжает автор, — тесно связана с общей политикой государства. Поэтому становится необходимым оценить, почему и как императорское правительство меняло свою политику и делало это по европейскому образцу ("...why and how the imperial government changed its politics and did so in the European pattern").

Ч. Рууд делает важное наблюдение — *само развитие прессы*, на его взгляд, *достаточно независимо от императорской политики* (даже в случаях столь консервативных, как правление Николая I и Александра III): "Я объясняю эти шаги на протяжении века и то, каким образом печатное дело ухитрилось их совершить. Я показываю, что в начале двадцатого века литературные работники и издатели играли ведущую роль по отношению к аудитории, которая — хотя и весьма немногочисленная по европейским меркам — обеспечивала им значительную независимость от государства"[6].

Эпоха предварительной цензуры (preliminary censorship), рассмотренная в этой книге, как пишет Рууд, — необходимый этап и в других европейских странах, покончивших с ней на разных отрезках истории (Англия — в 1695; Франция — в 1789 и еще раз в 1814-м; Пруссия — в 1850-м, а Германская Империя — в 1874 г.). Очередь России подошла в 1905—1906 гг., после того как на 40 лет ранее были упрощены правила (применение) предварительной цензуры. Окончание эпохи предварительной цензуры всякий раз означало то, что в XIX в. понималось как "свобода печати", т.е. право частных лиц публиковать то, что они желают, будучи ответственными перед законом и судом, но без предварительного чтения и одобрения цензорами. В этой связи Ч. Рууд приходит к существенному и актуальному выводу: *невзирая на конституционные гарантии свободы печати, государство никогда полностью не отменяло контроль за прессой* ("No government, however, abandoned all administrative controls over the printed word, even when its state constitution provided for a free press") [ibid., p. 4—7].

Воспроизведение и анализ цензурной истории позволяет автору подойти к ряду положений, связанных с историей журналистских процессов. Так, упрочение позиций прессы и ускорение ее разви-

[6] "I explain the strides throughout the century and why the publishing industry managed to take them. I show that by the early twentieth century Russian writers and publishers commanded an audience which, though small by European standards, ensured them a strong measure of independence from the state".

тия он связывает как с внедрением в практику судебной системы, так и с развитием технической стороны журнализма, накоплением редакционного опыта и выходом прессы России на широкую аудиторию. При этом успешные издатели, сосредоточив управление своими издательскими предприятиями преимущественно в собственных руках, пользуясь результатами реформы 1865 г., чувствовали себя достаточно свободно на фоне тогдашних форм административного контроля над печатным словом.

Эту мысль Ч. Рууд развивает и дальше, уже в разделе "Самодержавие и пресса: исторический конфликт" (Autocracy and the Press: the Historic Conflict), где приводит в качестве примера успех Сытина: «Сытин, наиболее успешный издатель, приобрел довольно радикальный имидж, будучи поборником не правительственных, а читательских интересов. Его огромные финансовые ресурсы помогли ему с легкостью справиться с несколькими официальными ограничениями, с которыми ему довелось столкнуться, и превратить "Русское слово" в самую распространенную и лучшую ежедневную газету России в первые годы XX века"[7] [ibid., p. 232].

Вообще, саму реформу 1865 г. Рууд склонен рассматривать как конкретную — для данного периода — форму проведения гораздо более глобальной, протяженной во времени политики. Импульс был задан, когда в 1865 г. «как никогда раньше, "опасные" слова могли уже вполне легально дойти до русской публики» (As never before, "dangerous" words could legally reach the Russian public) [ibid., p. 228]. Избранная линия просматривается вплоть до начала XX в. — до революционных дней 1905 г. Рууд сравнивает значение Союза издателей в 1905 г. с ролью республиканских редакторов Парижа в 1848-м; вызов деятелей печати к премьеру С.Ю. Витте дополнительно поднял их авторитет, своим участием Витте как бы дал им еще большую власть.

"Европейский контекст" анализа русских явлений дополняет известную отечественным историкам печати картину выразительными штрихами: "Правительство проделало долгий путь к европеизации отношений с печатью, которая развивалась, следуя за западными образцами", — пишет Рууд. Однако на этом пути оно "оказалось далеко от воплощения на практике принципов реформы 1865 г. и тем самым само же способствовало росту оппозиции" во 2-й половине XIX — начале XX в. В результате "императорское правительство оказалось лицом к лицу с прессой, которую нельзя

[7] ...Sytin, the most successful of the publishers, assume a vaguely radical cast by championing his readers, not the government. Sytin's vast financial resources enabled him to deal easily with the few official restrictions he met and to make his "Russian Word" the largest and best daily in Russia in the first years of XX.

было уже удержать от констатации признаков близкого конца самодержавного режима”[8] [ibid., p. 227].

Автор отмечает, что императорское правительство впервые разрешило частную журналистику лишь в конце 1700-х гг., намного позже того, как подобное произошло на Западе. Как известно, эта журналистика еще не окупалась. Только во 2-й четверти XIX в., пишет Рууд, все еще будучи под жесткой “опекой” государства, редакторы и издатели смогли распространять свою продукцию в количестве, достаточном для коммерческого развития [ibid., p. 227]. Позже, при Александре II, развивается новый признак самостоятельности: журналисты начали писать о правительственных распоряжениях с независимой точки зрения. Все это развитие происходило на фоне серьезных противоречий: “нигде, кроме как в России, положение современной журналистики не контрастировало столь ярко с системой абсолютистского контроля” (“At the same time, nowhere more than in Russia did modern journalism stand in such sharp contrast to a system of outmoded absolutistic controls”) [ibid., p. 228]. И понимание, и оценку подобной ситуации пресса несла в публику, в аудиторию.

Ч. Рууд выделяет еще одно актуальное обстоятельство в контексте истории цензуры — назовем его “развитие гласности”. Автор прослеживает такую тенденцию: *движение цензурной политики от конфиденциальности к публичности.* Вплоть до 1865 г. решения, которые выносил цензор, были закрытыми для публики. Реформа же потребовала не только чтобы цензор изложил причины, по которым он находит необходимым вынести предостережение для публикации, но и чтобы это предостережение было опубликовано в периодическом издании (“The reform in 1865 required not only that the censor state his reasons for warning a publication but also that the periodical publish that statement of warning”) [ibid.]. Сохранение же административных мер возбуждало недовольство как издателей, так и аудитории.

Историк подчеркивает *значение ряда функций прессы, и в первую очередь политической*, напоминая в этой связи о западных революциях. Рууд приводит известное мнение реакционера Шишкова, его “железный устав” (“cast-iron statute”) 1826 г., согласно которому только слова как таковые уже способны ниспровергнуть существующий порядок [ibid., p. 229].

[8] “The government had done a long way towards western practices in dealing with an institution — the press — that had developed by copying western precedents”; “...The government fell far short in implementing the principles of the reform of 1865, and thereby itself contributed to the growth of opposition”; “...The Imperial Government faced a <...> press that could not be stopped from exposing the shortcomings of the autocracy”.

Самодержавие к 1905 г. оказалось в невыгодной ситуации. Последняя объективно подталкивала людей к критической мысли, самодержавие же как раз опасалось этого. Ч. Рууд отмечает некоторые особенности в сфере идейного влияния в русском обществе той эпохи. С его точки зрения (и она в целом совпадает с мнением отечественных историков), "самодержавие к этому моменту знало, что оно лишилось преданности со стороны интеллигенции; уделяя большое внимание сохранению лояльности масс, оно страшилось будущих потерь в открытой схватке идей" ("The autocracy by that time knew it had lost the allegiance of the intelligentsia; intent on keeping the masses loyal, it feared further loses in an open contest of ideas") [ibid.].

Диалектика противостояния властей и оппозиционной прессы в 1905 г. предстала следующим образом: единственная защита правительства от действий оппозиционной печати — правовая основа. Рууд пишет об этом так: "Ни Витте, ни правительство не видели теперь альтернативы судебной системе как последней линии обороны от печатного слова. Чтобы восстановить порядок, у правительства не было иного выбора, кроме как даровать свободу печати, обещанную ровно четырьмя десятилетиями ранее — Законом о печати 1865 г. Совсем как и правительства стран Запада в предшествующие годы, самодержавие в конце концов постановило, что пресса должна стать свободным институтом, ответственным лишь перед судом, — именно потому, что иные меры уже не работали"[9] [ibid., p. 234].

И здесь мы снова оказываемся перед выводами об известной независимости журналистского процесса от самодержавной политики. Причем Рууд подходит к проблеме весьма дифференцированно, выделяя интересующую его тенденцию в общем контексте состояния печати исследуемой эпохи. Он обращает внимание, например, на то, что в 1865 г. газеты были "свободнее" журналов: кары были направлены главным образом против таких лучших представителей периодики, как журналы (а не газеты). (Неслучайно история русской журналистики всегда выделяла ведущую идейную линию журналов XIX века.) По мнению автора, "отвлекая" внимание цензуры на себя, журналы таким образом "помогли" развиваться газетной прессе.

[9] "...Neither Witte nor the government saw any alternative to using the court system as the last line of defense against the printed word. To restore order, the government had no choice but to grant to the press the freedom promised exactly four decades before in the Statute of 1865. Not unlike governments in the West in earlier years, the autocracy at last conceded that that the press should become a free institution, responsible to courts alone, precisely because available alternate measures no longer worked".

Рууд характеризует состояние и процессы в газетной печати и ее аудиторию этого времени, выделяя важные тенденции: «Издатели также учились удовлетворять вкусам растущей аудитории в развивающихся регионах с городским населением на территории Европейской России: с помощью новостей, комментариев, иллюстраций и объявлений — гораздо менее тенденциозной "пищи", чем предлагали ежемесячные журналы» ("Publishers also learned to please the tastes of expanding readerships in the growing urban areas in European Russia through news, comment, pictures and advertisements — far less tendentious fare than the monthly journals offered") [ibid., p. 232].

Результатами такого направления в газетном издательстве становится известная экономическая независимость. Финансовая же независимость влечет и независимость от администрации в целом. Одним из лучших примеров для Рууда является деятельность Ивана Сытина и его "Русского слова", о чем уже говорилось.

Таким образом, *журнальная идейность и газетная независимость* — две взаимодополняющие ценности, с которыми Рууд, в частности, связывает постоянный рост авторитета прессы в дооктябрьской России — с XVIII по XX в.: "Меры, предпринимаемые правительством в целях контроля за деятельностью печати на протяжении предшествующих 125 лет, во многом изменились, но многое изменилось также и в отношении реальных возможностей журналистов и частной прессы. Новиков при Екатерине II, Лабзин при Александре I, Булгарин при Николае I, Чернышевский при Александре II, Грановский при Александре III и Дорошевич при Николае II — все свидетельствовало о растущем авторитете и влиянии русских журналистов на протяжении периода, который рассматривается в нашем исследовании"[10] [ibid., p. 233].

Завершая разговор об этой книге Ч. Рууда, хотелось бы привести названия ее глав: отражая эволюцию цензурной системы, они в то же время могут передать авторское представление и о некоторых важных звеньях в истории русской журналистики как таковой: 1) Европейская модель и начало российской цензуры; 2) Ранняя административная система и подъем мистицизма, 1801—17; 3) Фиаско Голицына и упадок мистицизма, 1817—25; 4) Нововведения николаевской цензуры, 1825—32; 5) Цензура и новая журналистика, 1832—48; 6) Система в осаде, 1848—55; 7) Смущенные шаги к реформе, 1855—61; 8) Дилеммы либеральной цензуры, 1862—63;

[10] "...Much had changed in the measures used by the government in the previous 125 years to control the printed word, much had also changed in the real power of journalists and of the private press: Novikov under Catherine II, Labzin under Alexander I, Bulgarin under Nicolas I, Chernyshevsky under Alexander II, Gradovsky under Alexander III, and Doroshevich under Nicolas II all attest to the rising authority and influence of Russian journalists during the period covered by this study".

9) Реформа 6 апреля 1865 г.; 10) Первый год реформированной системы, 1865—66; 11) Контроль за свободой печати: предупреждения, случаи судебных разбирательств и ответственность за клевету, 1867—69; 12) Цензурные репрессии и появление "европейской" печати, 1869—89; 13) Последние годы административной системы, 1889—1906; 14) Самодержавие и печать: исторический конфликт.

Таким образом, исследование цензурной политики в царской России выявило дополнительные аспекты изучения состояния журналистского дела на фоне общемировых закономерностей.

Надо сказать, что проблему свободы и правительственного регулирования печати еще ранее рассматривал в своей диссертации "Свобода и регулирование русской периодической печати, 1905—1914" Ричард Беннет Бейли [Bayley, 1969]. В каком-то смысле эту работу, охватившую значительно меньший, но знаковый период в истории русской прессы, можно рассматривать как предшественницу объемного и детального труда Ч. Рууда и других публикаций на эту популярную среди западных исследователей тему. Одной из характерных особенностей диссертации, на наш взгляд, стала постановка вопроса в контексте возникновения в России парламентаризма.

Предваряя основное содержание работы, автор сделал краткий обзор тех тенденций в развитии русской журналистики, которые представились ему наиболее значимыми; каждая такая тенденция ассоциируется с очередным этапом истории российской печати: «В период между 1702-м годом, когда Петр Великий основал первую русскую газету, и 1756-м годом, когда Ломоносову было разрешено издавать первую частную газету, большая часть русских периодических изданий была сведена к академическим журналам. При Екатерине Великой и читатели, и издатели уже "созрели" для того этапа, когда периодика могла стать средством освещения общественной жизни. В девятнадцатом веке типичным становится разнообразие (дифференциация) специализированных изданий и огромная приверженность к художественной литературе, и обе эти особенности развиваются вопреки цензуре. К концу века периодическая печать становится одновременно и экономически сильной, и глубоко вовлеченной в процесс реформ»[11], т.е. уже в этом раннем

[11] "Between the time Peter the Great founded the first Russian newspaper in 1702 and the time Lomonosov was authorized to publish the first private newspaper in 1756, most Russian periodical publishing was limited to academic journals. Under Catherine the Great there came a maturation of both reader and publisher that transformed the periodical press into a meanful medium for social commentary. Typical in the nineteenth century were a diversification in specialized periodicals and a great devotion to imaginative literature, both of which grew in spite of the censorship. By the end of the century the periodical press was both economically strong and deeply involved in the reform movement".

исследовании отмечен, в частности, факт известной независимости института прессы от политических институтов — положение, которое получит развитие в более поздних зарубежных исследованиях русской печати.

"Под давлением с разных сторон, — констатирует Бейли, — в декабре 1904 г. царь издал рескрипт, который призывал к пересмотру ряда сфер жизни и созданию специальной комиссии для изучения положения прессы[12]. Этот рескрипт был сформулирован так, что едва ли мог способствовать достижению значимых результатов, так как весьма ограничил круг задач работы комиссии, и в то же время состав группы вносил внушительный элемент консерватизма в ее деятельность"[13].

В диссертации также рассмотрено значение Манифеста 17 октября 1905 г., давшего новые возможности развития печати: "После лета 1905 г. с высокой активностью оппозиции царь пошел на уступки и издал документ, который обещал новые гражданские свободы. Многие приветствовали октябрьский манифест как право на практическую реализацию свобод, которые еще не были до конца оформлены. Периодическая печать представляла именно такую реакцию — в смысле безотлагательного использования свобод, — не желая дожидаться легализации этих новых норм. Правительство, оказавшись перед необходимостью подавить подобные попытки, принявшие широкий размах, издало временные правила о печати и начало готовиться к грядущей думской кампании"[14].

Автор изучает отношения власти и прессы в контексте либерального движения в эпоху парламентаризма. Как промах либералов он рассматривает неуступчивость партии кадетов по отношению к правительству в период первой Думы, и эта позиция автора согласуется с мнениями, сложившимися у многих современников той эпохи, о чем свидетельствует изучение тогдашней периодики и мемуарной литературы.

Вообще, в своей работе Бейли уделяет много внимания особенностям политической жизни России в начале двадцатого века. Го-

---

[12] С 10 февраля по 4 декабря 1905 г. действительно работало "Высочайше учрежденное Особое Совещание для составления нового устава о печати".

[13] "Under pressure of several fronts, the Tsar issued a rescript in December, 1904, that called for the re-examination of several areas of Russian life and created a special commission for the purpose of investigating the press. This act was not designed in a way that promised meaningful results, for it gave the commission a poor definition of its task and a strong element of conservatism in its membership".

[14] "After the summer of 1905 with its high political opposition, the Tsar yielded and issued a document which promised new civil liberties. Many greeted the October Manifesto as a license to practice liberties that were not at yet formalized. The periodical press was representative of such reactions in the immediate seizure of freedoms without waiting for new legal norms. The government, needing to quell such wide-spread excesses, issued temporary rules for the press and began girding itself for the forthcoming Duma".

воря о дальнейших непростых отношениях правительства к Думе и общественном мнении, Бейли приходит к заключению, что "самодержавие сделало очень мало для того, чтобы подготовить граждан России к жизни при конституционном режиме, так как не дало ни практики гражданских свобод, ни уважения к закону, чем подвергло опасности даже существование закона как такового" ("The autocracy had done little to prepare Russian citizens for life under a constitutional regime, for it gave then neither training for civil liberties nor respect for law — a condition that endangered even the law itself").

Отмечая положительную роль судебной системы в формировании прозрачности взаимоотношений прессы, власти и общества, автор в то же время показывает, что административная система тормозила эти положительные сдвиги, так как представители администрации, "наделенные властью издавать указы, обязательные к исполнению", объединяли таким образом в своем лице "и администрацию, и власть, и суд". Действия же полиции, как пишет Бейли, в период парламентаризма (до 1914 г.) постоянно демонстрировали традиционную верноподданность царю и отечеству с помощью репрессий и прочих устрашающих население мер.

В заключение автор приходит к выводу, что "несмотря на весь прогресс, который был достигнут в период 1905—1914 гг., Россия никогда не видела той свободы печати, за которую так много боролась" ("In spite of all her progress between 1905 and 1914, Russia never saw the press freedoms that so many had struggled for").

(*Окончание в следующем номере*)

Список литературы

История русской журналистики XVIII—XIX веков / Под ред. проф. А.В. Западова. 3-е изд., испр. М., 1973.

Рууд Ч.А. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1996.

Bayley R.B. Freedom and Regulation of the Russian Periodical Press, 1905—1914. Ph.D., 1968 / Dissertation abstracts A. 1969. Vol. 29. N 12.

Brooks J. Readers and Reading at the End of the Tsarist Era // Literature and Society in Imperial Russia, 1800—1914 / Ed. by W.M. Todd III. Stanford (Calif.), 1978.

Brooks J. When Russia Learned to Read (Literacy & Popular Literature, 1861—1917). Princeton University Press, 1985.

Jensen J., Bayley R. Highlights of the Development of Russian Journalism 1553—1917 // Journalism Quarterly 41:3. 1964. Summer.

Malkolm N. The Birth of Russian Journalism // Journal of Russian Studies. 1976. Vol. 31.

Marker G. Russian Journals and Their Readers in the Late Eighteenth Century // Oxford Slavonic Papers 19. 1986.

Neuberger J. Stories of the Street: Hooliganism in the St.-Petersburg Popular Press // Slavic Review. 1989. Vol. 48. N 2.

Pogorelskin A.E. "Vestnik Evropy" and the Polish Question in the Reign of Alexander II // Slavic Review 46:1. 1987. Spring.

Rzadkievicz Ch.M. Russian Journalism During the Romantic Era: Ph. D. Buffalo: SUNY, 1987.

Rigberg B. The Tsarist Press Law, 1894—1905 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, 13:3. 1965.

Riha Th. "Rech": A Portrait of a Russian Newspaper // Slavic Review 22:4 1963. December.

Ruud Ch.A. Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804—1906. Toronto; Buffalo; L. (Print. In Canada), 1982, 2009.

Volmer A. Press und Francophonie im 18 (Deutchland, Russland). Leipzig, 2000.

Walkin J. Government Controls Over the Press // Russian Review 13:3. 1954. July.

Waugh D.C. The Publication of Muscovite Kuranty // Kritica 9:3. 1973. Spring.

Поступила в редакцию
22.01.2010